

When quoting site materials, we ask that you provide the link to the original source that owns the authorship (<https://nevzlincenter.huji.ac.il/ukrainian-jewish-refugees-israel>) and the title of the project, "Ukrainian Jewish Repatriates in Israel: Jewish Identity in the Context of the Russian-Ukrainian war."

Each particular file should be quoted as follows: UJRI_Number_Informant's initials (e.g., UJRI_001_MG)
Thank you!

При цитировании материалов сайта просим указывать ссылку на источник правообладателя: (<https://nevzlincenter.huji.ac.il/ukrainian-jewish-refugees-israel>) и название проекта: «Еврейские репатрианты из Украины в Израиле: Еврейская идентичность в контексте войны России и Украины».

Ссылка на индивидуальные файлы: UJRI_Номер файла_Инициалы информанта (н-р., UJRI_001_MG)
Спасибо!

UJRI_097_IP

Inf.: IP, F., b. 1985 in Tashkent, lived in Kyiv since 26 years old. In Israel since March, 2022. Mother currently in Uman', descendants of Rabbi Nachman.

Int.1: МК, Int.2: НК

Nof HaGalil, 20.09.2023

37 min.

[00] Int.1: Значит, мы берем интервью для центра Невзина по восточно-европейским исследованиям с репатриантами украинцами. Меня зовут МК, сегодня 20 октября [я ошиблась – 20 сентября] 2023 года. Мы разговариваем с ИП. Расскажите немножко о себе сначала, просто несколько слов.

Inf.: Меня зовут И., я, вообще, родилась в Узбекистане, город Ташкент, и когда мне было 26 лет я семьей приехала в Украину. В Украине я прожила одиннадцать лет, я получила гражданство Украины, я получила два высших образования тоже в Украине, родила двоих детей в Украине. Вот.

Int.1: Вы какого года?

Inf.: Я 85-го. Вот и...

Int.1: Вы с семьей приехали из Ташкента?

Inf.: Да.

Int.1: Почему на Украину?

Inf.: Ну, я сейчас в разводе, а когда я была замужем, мужу предложили в Украине работу.

[01] И поэтому мы как бы с семьей приехали сюда.

Int.1: Ага, понятно. В Украине Вы стали ходить в еврейскую общину или это как-то случайно?

Inf.: Дело в том, что я вообще, как бы, из Ташкента, у меня дедушка был соблюдающий религиозный еврей, мы дома все соблюдали и ходили в синагогу, и когда мы приехали в Украину, естественно отдали детей сразу в еврейские школы. И да, я работала и в еврейской школе, и в еврейском саду, и тоже преподавала там и там, то есть, да, с еврейством.

Int.1: Вы еще в Ташкенте этим занимались?

Inf.: Ну, я больше в Украине стала, в Ташкенте я работала в Сохнуте, тоже работала с детьми, но в Украине я профессионально, потому что я уже поступила в педагогический институт, уже, как бы, стала официально работать, скажем так.

Int.1: В общину Вы ходили в религиозную?

Inf.: Да, дело в том что, у меня религиозная семья, у меня мальчики: один в ешиве учится.

[02] Второй мальчик в хедере, и мальчик... э... девочка в еврейской школе.

Int.1: Вы в Украине жили в Киеве?

Inf.: Мы жили в Киеве, да. В центре

Int.1: А, куда он ходил?

Inf.: Он ходил, есть Асманы, знаете, нет?

Int.1: Да.

Inf.: Семья Асманов, которая построила комплекс всего, и вот мои дети туда ходили.

Int.1: В Анатовке?

Inf.: Да. Ну, они не сразу, они сначала в одну еврейскую школу, потом в другую еврейскую, потом в итоге в Анатеевку, и там мы уже остались до конца.

Int.1: А как вы выехали, как, вообще, началось это все?

Inf.: Значит, началось 23 февраля, и до этого были предпосылки, и все говорили о том, что будет война и так далее, но, я, честно говоря, у меня в голове не укладывалось, вообще, что в XXI веке может случиться вот настоящая война, вообще. Мне многие родственники в Израиле говорили: «Вы же сидите, давайте, приезжайте сейчас. Вы же с ума сошли?» У меня работа, у меня это... куда я поеду? Все хорошо будет. И вот 23-го, я помню, я еще 22-го я была на работе, и 23-го вот случилось, там сразу в вотсап такие сообщения.

[03] А у меня дети, ну, в еврейской школе учились, которая находится далеко от дома. И началась переписка в пять утра, что всё, война, и что сегодня развозок не будет. А, я, так как я, ну, работала на трех работах, я такая: «Ура, я хоть посплю.» У меня не было осознания того, что вот все перевернулось в этот день, вообще, то есть я думаю – я отдохну чуть-чуть, поспим, а потом завтра я пойду на работу. А потом уже включаешь когда телевизор, то ты понимаешь, что это, ну, как бы, наверное, серьезно. Вот, но я все равно до конца не воспринимала, и у меня мама, которая ну... мы с... отдельно с мамой жили, я в Киеве, мама в Умани. И мама звонила, и первое, что она говорила: «Спасай детей, давай собирайся.» А нам заранее предупреждали опять Асманы, вот и в Анатеевке. Говорили, что, если не дай Бог, что-то случится, вы можете приехать вот в нашу общину, мы всех поддержим и так далее, а куда мне приехать с детьми?

[04] и вот мы поехали, я помню...

Int.1: А, детям, сколько лет?

Inf.: Детям – пятнадцать, одиннадцать и девять. На тот момент, которому 15 лет, он учился в ешиве в Днепре, и он как раз, когда война началась в четверг, он должен был как раз приехать домой. И я звоню людям, ну, с кем мой сын учился, родителям, говорю – что делать, нельзя же детей...? Вот как они приедут, война? И они там остались в итоге в ешиве в Днепре, а я с двумя детьми в Украине. И в итоге мы собрали..., я, вообще, не понимала, что делать, вообще. Дети собирали там по два рюкзака, я собрала все необходимое. И хорошо мне мама говорит, возьми документы, хорошо, я взяла документы, и то не все, что-то я забыла важное, ну вот свидетельство о том, что там бабушка еврейка, мама – я взяла. Вот, и мы поехали в эту Анатеевку с одной семьей, помню, мы очень долго... Добираться полчаса до этой Анатеевки, а мы, наверное, ехали два с половиной, три часа.

[05] То есть мы ехали очень долго, со страхом, слава Богу, доехали. И там мы пробыли, получается, в четверг вечером мы приехали, мы пробыли пятницу, субботу и воскресенье. Там очень было много людей, я помню, я была на кухне, готовила, мы там, кто хотел, готовил для всех. И жили мы, там постоянно стреляли, оказалось, что в Анатеевке еще опаснее чем в Киеве, потому что Анатеевка это Киевская область, и оттуда как бы началось наступление. И было, конечно, страшно, и мы ночевали там один... в Анатеевке, ну какой-то... один человек строил большой двухэтажный дом, и вот мы жили, не жили, а мы прятались ночами – там типа, как бомбоубежище. Я не знаю, ну там – ну, естественно, там гараж что-то строил. Вот там понятно, что ремонт и так далее. Но там нам дали матрасы, и вот как-то, кто-то, кто самый смелый, там были еще гостиницы, спал в гостинице, но, я не стала рисковать.

[06] И мы с детьми, там другие семьи тоже, прямо на полу в этом вот. Вот. Потом я помню, разговоры начались в субботу, рАвин всех собрал и сказал, что небезопасно, что ну как бы это большая ответственность, столько людей он собрал, что надо выезжать. Я

помню, я была, вообще, в панике совершенно, потому что я не готова была, вообще, выезжать. При том, что я понимала, что мой ребенок в Днестре, как я куда-то... У меня ребенок в Украине. У меня была очень большая паника, то еще был шабат. А мама у меня соблюдающая, я даже не могла позвонить, а нам разрешали в субботу, ну при таких обстоятельствах пользоваться, выезжать и пользоваться телефонами. Я, конечно, я звоню маме, а мама трубку не берет, я в панике, я не знаю, что делать. Потом вроде бы решили, что в субботу мы не поедим, поедим если что в воскресенье. Я успокоилась, но были люди, которые выезжали в субботу на машинах. Мы как бы остались до воскресения, я думала, что как-то утихнет. И я думаю... короче, опять нас собрали в воскресенье и сказали, что вот, надо ехать.

[07] Не все, было очень много в Анатеевке людей, не все уехали. Не все. Мы договорились с моей мамой, что моя мама никуда из Украины, пока не заберет Э., моего ребенка. Она никуда...

Int.1: Он ехал из Днестра?

Inf.: Он вообще остался в Днестре. Мы не рискнули опрашивать детей, получается в Киев, и они остались в Днестре. Там типа не стреляли, там было спокойно, и я как-то успокоилась. Вот. Но мы договорились, что, если что – мама пока Э. не заберет, она никуда не уедет. Ну а соб... И, вообще, я хочу сказать, что до последнего никто не знал, куда мы выезжаем, то есть, было сказано, что в три часа дня будет автобус куда-то. Куда? – до конца, вообще никто не знал, куда мы едем. Кто-то подумал, что мы едем там в Житомир, там возле Житомира. И многие сели, а кто-то же не выездной, то есть, мужчины же не выездные. Сели муж и жена, потом они...

[08] По дороге им рассказали, что мы в итоге не едем в Житомир, потому что там тоже стреляют. И мы едем на границу с Молдовой. Кто-то успел, вообще, выйти с автобуса. То есть я, вообще, не понимала, куда мы едем до последнего.

Int.1: А Вы без мужа уже были, да?

Inf.: Я в разводе десять лет. То есть, я выезжала чисто с детьми без этого... Вот, и нас было... Там были автобусы, там были с машинами люди выезжали. И вот так мы попали на границу с Молдовой, и там мы жили, получается. Ну, и там я дождалась своего ребенка. Ешива тоже его отправила из Днестра, отправила сначала в Одессу, в Одессе мы договорились, что там кто-то его заберет и отправит, короче, ну, там целая спецоперация была, как доставить ребенка в Молдову. В итоге как бы мы воссоединились, и мы уехали, улетели на втором самолете. То есть, самый первый самолет вылетал, и мы на следующем улетели вот в Израиль.

Int.1: А мама осталась?

Inf.: Да. Мама получается, когда мы уже поняли, что у Э., слава Богу, все нормально, и он приедет.

[09] Мама с Умани там у нее был свой путь. С... Там же в Умани очень много религиозных евреев, и именно граждан Израиля в Умани живут. И вот мама с этими людьми выезжала уже.

Int.1: Мама тоже не гражданка?

Inf.: Мама гражданка, мама уже пять лет как гражданка Израиля. Да, но, жила она большую часть времени в Украине.

Int.1: Ну, не с вами, а именно в Умани?

Inf.: Отдельно, именно в Умани. Да

Int.2: Э. сколько лет было?

Inf.: Э. на тот момент было тринадцать с половиной лет, четырнадцать, четырнадцать.

Int.1: И он ешивой вместе приехал?

Inf.: Он с ешивой, но, ешива поехала в Германию, а там несколько мальчиков тоже как бы до Молдовы.

Int.1: Вы уже поняли, что едите в Израиль или как?

Inf.: Я уже, когда мы были на границах... ну, на границе с Молдовой, да. А куда еще ехать? У меня и не...

[10] Там кто-то уезжал на Кипр, пересидеть три месяца предлагалось, вы можно поехать совершенно бесплатно, пере... кто-то, ну, не думал, думал, что они пересидят и приедут обратно в Украину. У меня тоже было сначала в голове, может быть, в... на Кипр, но, хорошо, что мы сразу в Израиль поехали.

Int.1: Что получается вы взяли, вы взяли документы, и дети взяли какие-то свои вещи.

Inf.: Просто чисто необходимое, у нас было три рюкзака. Мы потом прикалывались, конечно, что у меня ребенок говорит, мама ты не взяла документы какие-то главные. Зато ты взяла, это видимо из-за стресса или была зима, и дети трудно обували обувь, и мы взяли такую железную, ло... как – лопатка? Как она?

Соб.1.: Ложка?

Inf.: Ложка. И у меня, мама, говорят, давай не будем выкидывать эту ложку, это как память. Мы все важное не взяли, зато взяли эту ложку [смеется]. Вот, так что мы взяли прям самое необходимое. Ни дипломы я свои не взяла, ничего не взяла.

[11] Там какой-то важный документ на Хану я не взяла, вот только вот чисто метрики, деньги какие-то. Да. И всё.

Int.1: А на границе вам предлагали Израиль, тоже, да?

Inf.: Ну Вы... ты знаешь, куда вот? У меня в голове было такое, куда я, как еврейка могу поехать? Я еврейка галахическая со всех сторон. В Германию я не хотела ехать, Ж. извини [смеется и показывает на знакомого Ж., который сидит рядом]. Ж. с Германии. А куда?

Соб. 2: А почему не хотели?

Inf.: Ну, нет, слушай, я – еврейка, у меня не было такое, что я думала, что в Израиле, тем более дети учились в ешиве, ну, старшие, они знают иврит дети, у меня в голове только был Израиль.

Int.1: А раньше Вы в Израиль не думали никогда?

Inf.: Честно говоря, ну, мне мама говорила, надо рано или поздно ехать, учи иврит. У меня было в Украине все хорошо. У меня... Я, вообще, не планировала.

[12] Я голов... я понимала, что в Израиле надо начинать с нуля, вот все с нуля, иврит учить и так далее, поэтому я, вообще, не планировала.

Int.1: Ну, когда приехали, Вы уже решили оставаться или тоже думали пересидеть как-то?

Inf.: Слушай, у меня не было в голове такого, я сама психолог по образованию, я понимала, что если люди приезжают в Израиль, и думают, что они когда-то вернуться, у них ничего не получится в Израиле. То есть, если ты уже прилетаешь в какую-то страну, ты должен уже основательно всё, уже назад дороги нет. И я понимаю, как здравомыслящий человек, что там быстро все не закончится, и какая страна будет после всего этого. И поэтому изначально мы уже сразу уже тут мы получили гражданство Израиля, и в голове у меня только, ну, уже тут жить и все.

Int.1: Как вы выбрали Ноф ха Галиль?

Inf.: Значит, у меня, на самом деле, очень много родственников в Израиле в основном религиозных. Сначала мы поехали, мы приехали... Это вот... это потом уже в Израиле, как-то они уже поняли, что много очень беженцев.

[13] И они уже как-то все продумали, а мы одни из первых и, конечно, это не было так продумано сильно, как потом. И предлагали Иерусалим нам сначала, то есть, можно было в отеле в Иерусалиме. Но нам изначально один родственник сказал, что он там – у него в Хайфе была двухкомнатная квартира, он говорит: вы можете какое-то время у нас пожить. В общем, мы поехали в Хайфу на один..., ну, мы там были один день в Хайфе, а потом мы поехали к родственникам на шабат в Иерусалим. А, потом мои знакомые с кем мы выезжали вот с Украины вот в Израиль, они оказались в городе Ноф хаГалиль, и, они

сказали, что там хорошо принимают людей, что помогают во всем, и я понимала, я получается одна с детьми, консульскую проверку естественно я не проходила, да, то есть, мне надо все с нуля. И я подумала, что без иврита, без ничего как я справлюсь?

[14] И поэтому мы приехали в этот город, потому что я понимаю, что тут оказана помощь и тут реально оказывали. То есть, мы жили в гостинице, в гостинице все – вот, все этапы, которые нужно человеку пройти, все было, то есть, консульская проверка была, банки были, больничные кассы, вот все, все, все было. Вот, а потом мы уже, ну, думали, как бы, во-первых, с людьми познакомились, во-вторых, очень сильно нам помогли, я подумала, что мы уже в этом городе останемся, я уже не захотела дальше. Хотя видишь, как бы, у нас, слава Богу, были варианты, где остановится.

Int.1: Вы до этого в Израиле были?

Inf.: Я была по программе таглит, то есть, не жила никогда в Израиле, чисто там на десять дней приезжала два раза и все.

Int.1: Вот, если бы выбирали, где бы жили сейчас?

Inf.: Ты имеешь в виду, в центре или нет?

Int.1: Да.

Inf.: Этот сложный вопрос.

[15] Понятно, я родилась, я вообще, всегда в столицах жила, и в Киеве мы жили в центре города и понятно, что крупные города мне как-то ближе. Но, я понимаю, что без иврита без хорошей оплачиваемой высокой зарплаты я не потяну в центре города, поэтому мне здесь хорошо в Ноф ха Галиле.

Int.1: Вы здесь пошли в Ульпан?

Inf.: Я закончила Ульпан алеф, я сразу пошла работать.

Int.1: Кем Вы работаете?

Inf.: У меня педагогическое образование я уже его подтвердила, и я работаю тут в детском саду воспитателем, но, правда, пока во вторую смену, и утром раньше тоже кем-то подрабатывала. Вот тоже, в другом месте.

Int.1: А, дети здесь пошли в школы?

Inf.: Значит, мальчику, которому будет 16 лет, он учится в Кирьят Гате в ешиве, а, дети помладше да, в Ноф ха Галили.

[16] Int.1: Им с ивритом было легче?

Inf.: Им было легче особенно мальчикам, потому что они уже, то есть старший, который в ешиве, он уже на иврите, то есть полностью это его второй язык. Михаэль, которому 11 лет, тот тоже, ну, понятно, что не так, как на русском, но тоже, то есть дети адаптировались нормально. Понятно, я хочу сказать, что старший хочет домой, постоянно говорит. Особенно первое время, когда мы поедем домой и так далее, он скучает.

Int.1: Но, Вы уже знаете, что вы не хотите домой?

Inf.: Нет.

Int.1: Вот, Вы себя как ощущаете репатриантом или беженцем?

Inf.: Я беженцем изначально себя не ощущала. Вот, как мы приехали, я, вообще, против этого слова беженец, вот, против совершенно. И мне было некомфортно, когда там кто-то помогал. Я помню, когда мы первый раз сюда приехали в Ноф ха Галили, нам воду купили, я себя ощущала очень некомфортно, прям беженка настоящая [смеется]. Я не ощущаю себя беженкой.

[17] Int.1: То есть просто Вас подтолкнуло к решению, которое Вы могли бы и так принять?

Inf.: Вы имеете в виду в Израиль?

Int.1: Да.

Inf.: Нет, слушай, я приехала в Израиль вынуждено, но, при этом я себя не ощущаю беженкой. То есть, кто такие беженцы, это жертвы, для меня беженец – это тот, кто сбежал, и он жертва, да? Обстоятельств, а, я не считаю себя беженкой. я себя не ощущаю беженкой.

Int.1: Что с вашим домом, где вы жили в Киеве?

Inf.: У нас своя квартира в центре стоит. У мамы своя, у нас своя. Пока стоит, там человек живет, просто плотит за коммунальные услуги.

Int.1: Вы рассматриваете вероятность возвращаться, туда приезжать?

Inf.: У меня мама приезжает, у меня мама уже была три раза за полтора года. Я нет, меня не тянет, и я нерискованный человек, я понимаю, приеду ради чего, на квартиру посмотреть, а дальше что?

[18] Int.1: А, вещи какие-то, вот то, что вы не забрали?

Inf.: Вещи, вот маме спасибо [смеется]. Мама периодически присылает вещи, ну, в смысле, с собой привозит.

Int.1: Вот, что-то кроме вот этой ложки на память взяли?

Inf.: Слушай, фотографии мама последний раз прислала, которые вот в рамках были у нас дома. Книги.

Int.2: Она в Умань ездит или в Киев?

Inf.: Ну, мама в Умани и понятно, что в Киев тоже заезжает.

Int.1: Мама именно из религиозных соображений в Умани?

Inf.: У меня мама – седьмое поколение потомков ребе Нахмана.

Int.1: Какой ихес!

Inf.: Да. И поэтому мама, изначально, когда мы приехали в Киев, мама через три месяца просто сразу в Умань.

Int.1: То есть она с вами переехала, когда вы на Украину переехали?

Inf.: Ну, не сразу, то есть, я сначала, а потом мама через три месяца. Да. Но мы вместе не жили, это мы сейчас в Израиле живем вместе.

Int.1: А, мама, как здесь, ну, как ей здесь, вообще?

[19] Inf.: Тяжело. Я хочу сказать, что людям, вообще, пенсионного, но, мама еще не пенсионного, ей 61 год, но очень тяжело, очень, потому что она тоже там все оставила все, что у нее было, приехала. Мы никогда с мамой вместе не жили, а тут мы вместе живем, маме тяжело. Но, она уже как бы нашла себе занятие, чем она занимается, она утром уезжает, вечером приезжает. И ей уже как бы... Она уже адаптировалась.

Int.1: И че она делает?

Inf.: Секрет [смеется] что-то делает. В общем, она себя увлекает так.

Int.1: Ну, на русском языке она общается или на украинском?

Inf.: Слушай, она вообще на иврите говорит, так как она в Украине прожила 11 лет, то там же в основном иврито-говорящие люди, поэтому мама как бы на иврите нормально разговаривает.

Int.1: В Умани, в смысле?

Inf.: Да, в Умани, в Умани.

Int.1: Она как-то работала с паломниками или как?

Inf.: У нее там было много чего, да и с людьми она тоже.

Int.2: А, в Умани знали, что она в седьмом поколении?

Int.1: Ее там уважают, да?

[20] Inf.: Слушай, я в Умани редко была, я не спрашивала, наверное.

Int.1: Когда сейчас приезжают паломники, это для нее плюс или минус, вот для Умани?

Inf.: Когда приезжают паломники, куда?

Int.1: Ну, на Рош а-Шана к рабби Нахману?

Inf.: Плюс для кого?

Int.1: Для мамы, она считает, что это правильно, хорошо...

Int.2: Что вот до сих пор они, что ни в корону и вот сейчас не смотря на опасность.

Inf.: Слушай, я считаю, мама не может за них судить.

Int.1: Нет, нет, просто ее отношение интересно.

Inf.: Мама на саму Рош а-Шану она не приезжала, потому что, она поняла, что там очень много мужчин, а так она ездит. Мама, да, мама не против. А то, что люди рискуют, это их личный выбор.

Int.1: Ага, понятно. Просто действительно, сейчас опаснее, чем...

Inf.: Да, но я хочу сказать, что очень много семей живут граждане Израиля живут в Умани.

[21] Кроме того, очень много вот раввинов тоже. Они приехали в Израиль на какое-то время, и сейчас все тоже в Украине.

Int.1: Асман он остался в Украине?

Inf.: У Асмана же большая семья. Я так понимаю, что он периодически приезжает в Израиль, но, деятельность у него в Украине.

Int.1: Он как-то здесь поддерживает вот тех, кто был в его общине там?

Inf.: Я думаю, что да, они организывают мероприятия, по Ульпану там они собирают детей, я думаю, что поддерживают.

Int.1: А, где?

Inf.: Я уже не помню, в каких городах, но они собирали на различные праздники.

Int.1: Вы ходите в ту общину или какую-то новую?

Инф: Вы имеете в виду, к Асманам?

Int.1: Да.

Inf.: Ну, когда Асманы собирают людей, да, мы участвуем тоже.

Int.1: А сами здесь вы как-то вписались?

Inf.: А, так мы ходим в общину «Хабад бе Алия» для русскоязычных людей, тут есть раввин общинный,

[22] ребецн, и мы комфортно себя чувствуем совершенно.

Int.1: Ага, а, много здесь вот из вашей киевской общины людей?

Inf.: Именно с киевской нет, но, есть люди, которые тоже жили в Украине, ходили в еврейскую школу, но, только в другую, вот, они тут живут, мы общаемся иногда периодически.

Int.1: Вот с кем-то из киевской общины пересекаетесь?

Inf.: Ну, вот мы видимся иногда на праздниках, когда собираемся на каких-то шабатонах. Они все в других, понимаешь, все как бы распределись по разным городам.

Int.1: Ага, мы вот, как раз вышли на вас через них.

Inf.: Я знаю, через А.

Int.1: Да, да и через ХМ. Вот очень интересно, по разным местам.

Inf.: Но, при этом мы общаемся. Не со всеми я общаюсь, но, с кем я тесно была связана, мы общаемся.

[23] Int.1: Вот такой вопрос, когда вы приехали на Украину, вы чувствовали какой-то антисемитизм от местных.

Inf.: В Украину, вообще, вот то, что говорят местные власти, это полн..., я, вообще. Я вообще русскоязычная, я всегда в Украине разговаривала на русском языке, и занятия мне говорили, что нужно проводить на украинском языке, так как у меня не был свободным, я понимала, но я не разговаривала свободно на украинском, я на русском преподавала, мне ни разу никто не сделал замечание, я всегда разговаривала на русском языке.

Int.1: В школе, да?

Inf.: И в школе, и в садике, и с людьми и везде. И никогда мне никто не сказал. почему ты разговариваешь на русском языке, а не на украинском языке.

Int.1: А, вот, когда вы в общине, в синагоге, дети в ешиве нормально соседи относились?

Inf.: Совершенно. У меня дети носили кипу, с четырех лет что ли, то есть, по-моему, я не помню, не сразу, как принято.

[24] Но, с какого-то возраста, они вдруг сами, сами, я не заставляла. Нормально никто, ничего совершенно. Не стеснялись, и с соседями мы со всеми общались, украинцами и всегда мне помогали.

Int.1: Какое-то такое Вы могли предположить, что такое будет?

Inf.: Ты имеешь в виду, что война?

Int.1: Да.

Inf.: Не! У меня не было в голове, вообще, у меня вообще.

Int.1: Вот все стали как-то проводить аналоги с Крымом, с четырнадцатым годом.

Inf.: Я вообще, да, стали люди говорить, что война, я... у меня не укладывалось в голове, что в XXI веке могут стрелять, при чем это не в одном городе. Что могут отключать свет, я максимум говорила, ну, свет отключат, что еще они сделают, попугают и все. И многие люди говорили, что они никто не думал, что это так серьезно и надолго. Никто, мало кто.

[25] Int.1: Вот, когда были выборы в Украине, Вы за кого голосовали?

Inf.: Честно говоря, я сейчас как бы активно занимаюсь выборами и голосую, в Украине я пассивно как-то к этому относилась.

Int.1: А, здесь Вы сейчас активно, да?

Inf.: Тут, да, когда тут были выборы, я ходила, голосовала.

Int.1: А, в Украине, нет?

Inf.: В Украине нет.

Int.1: Вот, как к Зеленскому отношение было?

Inf.: Слушай, я не... я сейчас смотрю «Слуга народа», что он снял, у меня к нему уважение, но, я не могу ничего сказать. Я могу сказать про человека, если я с ним общаюсь, я его хорошо знаю. Как я могу сказать о человеке, какой он правитель, если я о нем ничего не знаю.

Int.1: Сейчас же видно, какой он правитель?

Inf.: Я хочу сказать, если честно, я сейчас не смотрю новости. Я расстраиваюсь, когда это все смотрю, поэтому я вообще не в курсе сейчас ничего.

Int.1: У вас кто-то остался на Украине?

Inf.: Нет. Никого там нет. Но, то, что не сбежал, то, что он до сих пор с Украиной, это видно, что он хороший правитель.

[26] Int.1: А, то, что он еврей как-то имеет значение?

Inf.: Слушай, но, это гордость. Ну, я еврейка и я очень рада, что он тоже [смеется].

Int.1: Ага, понятно.

Соб. 2.: Может, поэтому и не сбежал.

Inf.: Может быть.

Int.2: А так, кроме старшего сына, в общем, все довольны жизнью в Израиле?

Inf.: Слушай, я хочу сказать, что у меня тоже не было, у меня тоже была какая-то адаптация и она до сих пор у меня периодически происходит, потому что в Израиле все по-другому совершенно. То есть, у меня уже там в Украине все устаканилось, я не должна была язык учить, чтобы работать. Да, было все легче. Тут, чтобы даже воспитателем работать надо, в общем, много ступеней преодолеть.

[27] В этом плане, да, бывает, конечно, иногда тяжело. Потому что тут начинаешь по факту все с нуля. Если там у тебя была квартира, ты не должна была снимать, да, и платить за квартиру. То есть, тут понятно, что все по-другому.

Int.2: Вот то, что все-таки в плане религиозной жизни, как-то Вы ощущаете здесь, что здесь приятнее?

Int.1: Свободнее?

Inf.: Можно я честно скажу?

Int.1: Ага.

Inf.: Ответ на вопрос.

Int.1: Да.

Inf.: В Израиле, вот там, где мы жили, там было больше религиозных евреев, чем в Израиле.

Int.1: В Украине, да?

Inf.: Да, в Украине. В Украине было больше религиозных евреев, мы жили в районе еврейском и там как-то...

Int.1: А, где вы жили?

Inf.: Мы жили на Подоле. Там как раз несколько синагог было. Тут мы видим евреев, которые, вообще, не соблюдают ничего.

[28] Мы живем еще в таком городе, где не очень много евреев религиозных, поэтому я как бы. Тут плюс, что тут есть кошерные продукты, что не надо специально ехать и покупать, тут все доступно и то надо смотреть. Не все кошерные продукты оказываются кошерными до конца. Поэтому... Я и там, как бы, мы общались с евреями, крутились в этой системе.

Int.1: Сейчас вы ездите на шабаты друг к другу?

Inf.: Нас приглашают, но, мы не всегда, мы в основном дома. Мы иногда встречаемся на шабатонах, то есть, кто-то устраивает, например, какие-то шабатоны. Даже на Симхат Тора тут как раз будет праздник, и нас пригласили, мы поедem в Иерусалим и там как раз будут люди, которых мы знаем.

Int.1: Хорошо.

Int.2: А, кто организует их?

Inf.: Разные люди. Асманы я помню, Пейсах организовали, мы ехали. Сейчас Школьник есть такой, который в Иерусалиме живет. Вот.

[29] Int.1: Это Хабад, да?

Inf.: По-моему, нет, но там, в общем, все люди собираются. Не только.

Int.1: Спасибо большое.

Inf.: Пожалуйста. [остановили запись и снова включили]. Тут различные же клубы для пожилых людей. Как у меня подруга говорит, мой дедушка пошел в Сад. Я вначале, в какой Сад, ну, клуб. В общем, тут молодцы, тут прямо, для... моя мама всегда говорила, что в Израиле хорошо детям и пожилым людям. И это правда. Особенно пожилым людям.

Int.1: Но, ей здесь не очень или...

Inf.: Маме моей?

Int.1: Да.

Inf.: Ну, я думаю, что она адаптировалась, первое время тяжело, конечно, было. Ты понимаешь, мы не были готовы на переезд в Израиль.

[30] Нас просто взяли и переселили, поэтому так, если бы мы планировали рано или поздно приехать, учили бы язык, готовились.

Int.1: Можно я немножко спрошу вот про Ташкент, про раньше?

Inf.: Да.

Int.1: Вот, как вы там очутились, когда родители в эвакуации били или...

Inf.: Значит, я расскажу, у меня дедушка родился в Умани, а бабушка родилась в Одессе и во время войны они попали в Ташкент и там получается, они прожили всю свою жизнь. У дедушка периодически, у дедушки очень много.. Он религиозный, с религиозной семьи, у него много братьев и сестер, он периодически прилетал в Израиль и хотел, конечно, жить в Израиле, но, бабушка была категорически против, и вот из-за бабушки они прожили всю жизнь в Ташкенте, вот. И так у меня мама родилась, и ее сестра, и получается да, и там практически все, и я до 26-ти лет прожила.

Int.1: А папа Ваш?

[31] Inf.: А папа... мама с папой разошлись, я была маленькой. И мой папа в 90-е годы улетел в Америку, там он, к сожалению, умер и рано. Вот, но он...

Соб1: Вы не думали про Америку, когда можно было выезжать?

Inf.: Изначально, нет, про Америку я вообще не думала.

Int.1: А, почему?

Inf.: Ну, потому что для меня Америка, это очень далеко, и я понимала, что туда мы, хотя у меня есть тетя с папиной стороны, вот, но, я про Америку, вообще, не думала.

Int.1: А то, что мама с таким происхождением знатным, вот в Ташкенте?

Inf.: Честно, мы вообще не придавали значения, вообще, вот то, что жили себе и жили, и никогда это не афишировали и никогда не говорили.

Int.1: Но вы соблюдали в Ташкенте?

Inf.: Мы – да, в Ташкенте мы с рождения моего. Вот с рождения моего я помню – все соблюдали.

[32] То есть кашрут, молочное, мясное у нас.

Int.1: Дедушка специально покупал мясо в кошерных магазинах. Нет?

Inf.: Я помню, он покупал индюков, кур держали сначала на балконе, а потом он ехал к шойхету. То есть, это я четко помню, мы соблюдали.

Int.1: А там бухарская еврейская община?

Inf.: Там была разная, там была и бухарская, и ашкеназская.

Int.1: И вы ходили в какую?

Inf.: В основном мы в ашкеназскую ходили, хотя в бухарской я бывала, дедушка тоже ходил, на Йом Кипур, я помню. То есть, я помню четко соблюдали, на Йом-кипур я помню, дедушка не ехал никуда, а ночевал, то есть, он ехал в синагогу и там ночевал в синагоге.

Int.1: Дедушка тоже в самом Ташкенте жил, да?

Inf.: Дедушка – да. Дедушка, бабушка в Ташкенте.

Int.1: Какие отношения с местными евреями были?

Inf.: Нормальные, там была еврейская школа, я успела отучиться в еврейской школе в Ташкенте, но, потом рано или поздно все разъехались.

[33] Потом как таковой общины в Ташкенте уже не было, потому что раввин там Гуревич, я помню, он уехал с женой по обстоятельствам, в итоге там не было ни раввина, ничего. Никого.

Int.1: Мама хотела в Умань?

Inf.: Мама поехала в Умань, потому что поехали в Украину. То есть, мы как бы никогда не заикливались на этом и вообще, как бы, конечно, я до конца не знаю, как мы попали в Украину, то есть мы никогда не планировали и мама, и я, хотели в Израиль, попали в Украину, у нас такая шутка семейная [смеется]. Не хотели никуда, но попали в Израиль.

Int.1: У Вас братья, сестры есть?

Inf.: Я одна. У меня только двоюродная сестра, которая... а, у меня две двоюродные сестры, одна в Ташкенте живет, а вторая в Израиле уже давно.

Int.1: Мама гражданство получила из Украины, да, она как бы уехала?

Inf.: Да, она пять лет назад она уехала.

Int.1: Вы ее отпустили, а сами не думали про это?

[34] Inf.: Да.

Int.2: Как, вот, в 14-м году ощущали себя?

Inf.: Вот, честно, когда ты с этим не сталкиваешься, никак. Я не придавала особо значения. Ну, я знала, по новостям смотрела, что война, что люди многие поехали в Киев, я знаю, ну, я не ощущала масштабы, потому что я там не присутствовала, я там не была. Я ощутила масштабы, когда уже напали на Ук... на Киев, где я живу, понимаете, тогда я ощутила масштабы всего.

Int.1: Что Вы видели вот, когда были в Киеве, как это виделось?

Inf.: Ну, бесконечные сирены, бесконечные. Вот, когда мы в Анатеевку попали, там постоянно дым какой-то, что-то там сжигали, когда нас посадили в автобус, и мы эвакуировались, было, конечно, страшно.

[35] Потому что ты не понимаешь, где ты находишься, вроде бы ты... ну, вчера было все хорошо, а тут уже люди в военной форме, что-то там с автоматами, ну, короче, было страшно. Страшно было.

Int.2: Досматривали эти автобусы?

Inf.: Проверяли каждый автобус, каждый автобус. Я честно говоря, не знаю, как я одна с детьми эвакуировалась без чьей-то помощи, я просто не представляю, потому что нереально страшно. И продумали эвакуацию наши, Асманы продумали, чтобы была полиция, то есть мы уезжали с полицией, мы уезжали, я не знаю, наверное, было семь, шесть автобусов и люди, у которых свои машины, то есть нас было очень много. Не все, конечно, улетели в Израиль, кто-то там в другие страны и города. Но выезжали вот именно на границу мы все вместе.

[36] Int.1: Вот нам рассказывали, может быть, это не так, что Асман за две недели до этого предупредил, велел всем приехать в Анатевку.

Inf.: Он говорил, да. Ну, уже были разные разговоры, кто-то в это верил, а кто-то нет. Потому что мне говорили, что в декабре уже, с декабря месяца уже там танки были уже на территории Украины. То есть уже люди предвидели, но до конца этому не верили. Да, он говорил Асман. И он говорил за несколько дней, я помню, за неделю, но, я не помню, точно за сколько, он говорил, что не дай Бог, что приезжаете, мы каждого примем и так далее, я очень хорошо приняла, очень. Мы жили, ну отель – я не знаю, реабилитационный центр он назывался, в хороших условиях, с едой, со всем.

Int.1: Вот рюкзаки вы собирали по какой-то инструкции?

Inf.: Нет. Это видимо зависит от людей, потому что я общалась с людьми, кто-то конкретно по инструкции, вот по инструкции, вот что необходимо, вот у них уже был собран рюкзак, а я, нет.

[37] Я видимо такой человек, который пока не прижмет, не буду.

Int.1: Не помните термин, как этот рюкзак называли?

Inf.: «Скорая помощь» называли кто-то, кто-то вот... я не знаю. Каждый, наверное, по-своему, у меня не было такого рюкзака. То есть мы собирали в последнюю минуту все.

Int.1: Вам сказали, что сейчас будет автобус?

Inf.: Нет, мы сами приехали, мы договорились с одной девочкой, у нее муж был в этот момент в другом городе и мы договорились, что мы вместе вызываем такси, такси было очень тяжело найти, оно стоило, как я не знаю... как будто мы уехали, улетели в другую страну, то есть все очень дорого. Мы договорились, что мы вместе поедem.

[конец записи]